

Белькович Р.Ю.

СЕЦЕССИЯ И МЕТАЯЗЫК ПРАВА

Аннотация: Сецессия представляет собой явление, существующее на протяжении всей истории национального государства в рамках вестфальской системы международных отношений. Несмотря на длительность существования этого феномена, статус его в правовом поле остаётся неопределённым. Автор стремится показать, что сецессия в принципе не может быть отнесена к феноменам, существующим в рамках права, так как концептуально представляет собой «конец права», попытку практического выхода общества за пределы системы категорий, навязанных государственной властью. Исследование опирается на сложившуюся в мировой науке традицию анализа проблем сецессии к контексте моральной философии. Автор приходит к выводу о том, что позитивное право представляет собой не только систему нормативных предписаний, но и своего рода метаязык, определяющий границы возможных суждений как о самих этих предписаниях, так и о регулируемых ими отношениях. Сецессия представляет угрозу для образа социальной действительности, который государство воспроизводит на своей территории. Сецессия демонстрирует разрыв, существующий между обществом и государством, и стремится этот разрыв ликвидировать. Сецессия является не «правом» народа или отдельных лиц, но формой самоопределения, которая предшествует любому праву.

Ключевые слова: Сецессия, суверенитет, монополия, самоопределение, насилие, метаязык, вестфальская система, территориальная целостность, принуждение, гражданское общество.

Abstract: Secession represents a phenomenon that has existed throughout the entire history of a national state within the Westphalian system of international relations. Despite the prolonged existence of this phenomenon, its status in the legal field remains undefined. The author strives to demonstrate that secession cannot really be considered a phenomenon that exists within law as conceptually it represents the “end of law”. The research leans on the traditional within the global science analysis of the issue of secession in the context of moral philosophy. The author comes to the conclusion that the positive law represents not only the system of normative rules, but a sort of a meta-language, which defines the boundaries of possible reasoning not only about these rules, but also the relations they regulate. Secession demonstrates a gap that exists between society and the government, and attempts to liquidate this gap. Secession is not the “right” of a nation or separate individuals, rather a form of self-determination, which precedes any right.

Keywords: Territorial integrity, Westphalian system, meta-language, violence, self-determination, monopoly, sovereignty, secession, coercion, civil society.

Данное научное исследование №14-01-0084 выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг.

События последних лет в очередной раз привлекли внимание мировой общественности к проблеме сецессии: провозглашение независимости Косово, вхождение территории Крыма в состав Российской Федерации, референдум в Шотландии по вопросу о выходе из Соединённого Королевства – всё это политические акты, идеологической базой которых выступает принцип самоопределения народов. Помимо этих фактических шагов, приведших или способных привести к сецессии, политической повседневностью стали массовые сепаратистские движения, наиболее яркие из которых функционируют в Италии (Лига Севера) и Испании (целый ряд общественно-политических организаций, выступающих за независимость Каталонии, Астурии, Страны Басков и др.).

Юридическая сложность реализации проекта сецессии в современном мире обусловлена существующим в международном публичном праве амбивалентным отношением к принципу самоопределения народов, который входит в конфликт с ключевым для всей системы международных отношений принципом территориальной целостности государства. Вопрос о легитимности конкретной сецессии на практике решается *ad hoc* в зависимости от текущего баланса политических сил на международной арене. Однако на наш взгляд причина этой правовой неопределённости кроется не в несовершенстве международно-правовых механизмов, но в природе самого феномена сецессии. Поэтому в настоящей работе сецессия будет рассмотрена не с точки зрения существующих на национальном или междуна-

родном уровне норм позитивного права, но как общетеоретическая проблема.

Под сецессией в рамках настоящей статьи автор понимает выход (или попытку выхода) части территории из состава государства (без согласия последнего) с целью создания нового государства или присоединения к иному, уже существующему государству. Таким образом, сецессия представляет собой феномен, носящий амбивалентный характер по отношению к институтам государства и права. Сецессия, с одной стороны, угрожает национальному правопорядку и сложившейся системе властных отношений, но в то же время не предполагает собственно революционного действия, так как отделение части территории не требует изменения политического режима в рамках «материнского» государства. При этом попытка сецессии может быть вызвана самыми разными причинами – в том числе и недовольством существующим политическим режимом. Однако сецессия не связана с необходимостью изменения государственного строя (часто именно осознание невозможности такого изменения и является непосредственной причиной сецессии), а следовательно потенциально представляет меньшую опасность для населения в целом, чем революция. Несмотря на это современные государства в большинстве своём крайне агрессивно противостоят самой возможности уменьшения своей территории в пользу реализации стремления к самоопределению той или иной группы, и потому сецессионистские конфликты часто выливаются в вооружённые столкновения.

Подобная реакция со стороны государства не кажется удивительной – сецессия означает уменьшение территории государства, а следовательно и ограничение доступа к природным ресурсам, сокращение численности населения. Кроме того, итогом цепочки сецессий может стать окончательный распад государства, как это произошло в случае СССР. Всё это действительно так с фактической стороны, однако феномен сецессии интересует нас в контексте теоретических основ государства и права – и с этой точки зрения причины столь негативного отношения к сецессии со стороны государства имеют значительно более глубокие основания, чем наносимый ею материальный ущерб.

Дело в том, что сецессия представляет собой «вторичное» явление, следствие такой характеристики государства как территориальность.

Возможность и необходимость территориального обособления существуют только в силу наличия самого концепта территории, полностью принадлежащей той или иной политической структуре. Территориальность, как и любую другую характеристику государства, можно рассматривать в двух смыслах – дескриптивном и нормативном. В дескриптивном смысле территориальность представляет собой констатацию того факта, что современные государства, существующие в рамках вестфальской системы международных отношений, осуществляют монопольный контроль над теми или иными участками пространства. Территориальность в этом смысле есть не более чем описание эмпирически данной ситуации, отражающей исторические процессы трансформации политических структур. В нормативном же смысле характеристика территориальности представляет собой утверждение о том, что государство *должно* осуществлять этот монопольный контроль.

В дескриптивном смысле мы можем рассматривать территориальность государства как переходящую характеристику, особенность социальной организации, прежде всего, нового и новейшего времени – такое описание остаётся ценностно нейтральным. Однако в сфере юриспруденции и политической теории характеристика территориальности приобретает именно нормативный характер – эмпирически данное превращается в идею и сущность. Как пишет Кристофер Уэллмен: «Территориальный характер государства не является исторической случайностью; государства носят территориальный характер, так как лишь это позволяет им выполнять свои функции» [9, с. 14]. То есть государство не только исторически претендует на пространственную автономию, но и требует её в своём понятии. Таким образом, требование сохранения территориальной целостности государства на теоретическом уровне продиктовано не проблемой доступа к ресурсам, а концептуальной невозможностью осуществления государственной власти иначе как по территориальному принципу.

Действительно, территориальная монополия представляет собой условие существования всех иных государственных монополий, вне которых само понятие государственной власти утрачивает смысл. Прежде всего, речь идёт о правотворческой монополии государства. Эту монополию теоретически оформляет доминирующая в современном

Трансформация правовых и политических систем

обществе доктрина правового монизма – представление о наличии принципиальных различий между правом и любыми иными социальными нормами [7]. Именно нормы, создаваемые государством, приобретают статус социальной «истины», точки отсчёта для любого суждения об обществе.

Конкретный социальный порядок, формируемый и заполняемый государством, совершенно закономерно выступает в качестве «реальности», потому что он ею в действительности является. Другое дело, что наряду с ним в обществе на самом деле присутствуют и иные нормативные «реальности» – реальность семьи, церкви, кружка любителей шахмат – однако все эти элементы действительных отношений не имеют возможности отождествлять свой «порядок» с социальной действительностью. Их легитимация, их присутствие в повседневной практике возможно до тех пор, пока государство это допускает, пока они соответствуют социальной «истине», задаваемой правом. При этом в случае с самим государством и правом реальность и её легитимация совпадают, они обнаруживают себя наблюдателю одновременно, заставляя бесконечно двигаться между действительностью, подтверждающей теорию, и теорией, опирающейся на действительность. Иными словами, государство, создавая право, наделяет его статусом метаязыка, с помощью которого только и может осуществляться легитимация любых иных порядков. Важно помнить, что действительность этого языка обеспечивается не теоретическими средствами, а механизмом насильственного принуждения к использованию этого языка, что включает необходимость в его легитимации.

Проблема состоит в том, что такая действительность, создаваемая правом, не является невинной и нейтральной. Устанавливаемая система отношений так или иначе носит характер господства, так как даже государство, стремящееся удовлетворить потребности самых широких слоёв населения, в конце концов вынуждено обращаться к насилию в целях реализации правовых норм. Любое субъективное, индивидуальное или коллективное, право и любая свобода в логике монизма находят своё вещественное, окончательное проявление именно в насилии – так, моя собственность удостоверяется очевиднее всего в применении к вору мер юридической ответственности. Следует заметить, что даже в приведённом примере объектом преступного посягательства будет выступать не сама вещь, а

защищаемые правом отношения собственности – то есть в украденная у меня вещь может и не присутствовать в моей реальной жизни.

Отношения, защищаемые правом – это, прежде всего, образ социума, а не реальные общественные отношения. Причинение ущерба этим отношениям является посягательством на право государства исключать иные возможные образы социальной действительности. Так, например, государству безразлично, верит ли конкретный индивид в существование прав автора произведения – право автора возникает независимо от самого автора, исключительно в силу подкрепляемого аппаратом принуждения образа социума.

Однако в действительности общество представляет собой набор индивидов, обладающих самими разными воззрениями. Их отношения, основанные на согласовании этих воззрений, предшествуют праву и зависят от последнего только в той мере, в какой индивиды опасаются применения к ним санкций. Поэтому право никогда не может абсолютно адекватно отражать реальные отношения – оно может лишь в большей или меньшей степени (в зависимости от специфики конкретной правовой системы) к ним приближаться. Предлагаемый государством образ социума не может быть вечным, как и не может быть бесконечной способность позитивного права адаптироваться к меняющейся ситуации. В условиях, когда действительность государства уже вопиюще не соответствует действительности гражданского общества и не снимает существующие в нём противоречия, возникающие кризисы, приводящие к попыткам сецессии. На смену нации как воображаемому конструкту, объединённому предложенным государством образом правопорядка, приходит совокупность самостоятельных индивидуальных интересов, которые не находят своего отражения в существующих политических и правовых институтах.

В тот момент, когда эти индивидуальные интересы части населения объединяются, когда эта часть населения осознаёт себя как самостоятельную политическую единицу, обладающую реальным, а не навязанным извне «согласием в вопросах права», тогда в рамках существующего государства возникает стремление к автономизации вплоть до отделения. Но самое важное здесь то, что сама структура современного государства, способ его существования оказываются непригодными для адаптации к подобным кризисам –

государство становится отрицанием возможности народа самостоятельно определять свою судьбу. Фактический правопорядок из оформления воли народа превращается в вещь в себе, ценность которого противопоставляет себя ценности истинной жизни народа. Общество деполитизируется государством, превращаясь в «гражданское общество», где индивиды выступают не как политические агенты, но как абстрактные носители заданного набора прав, свобод и обязанностей. Таким образом, самоопределение народа есть возвращение обществу его политического содержания и, следовательно, его свободы.

Деполитизация общества осуществляется на идеологическом уровне посредством отождествления государства как конкретно-исторической формы способа организации власти с политической организацией людей вообще. На это указывал Маркс, говоря о Гегеле, что тот «...смешивает ... государство, как совокупное целое существования народа, с политическим государством. Это особое не есть «особое внутри государства», а скорее «особое вне государства», именно – вне политического государства. Это особое не только не есть «существующее внутри государства особое», но оно является также «недействительностью государства» [2, с. 165].

Эта «взаимная недействительность» государства и народа является противостоянием, находящим своё символическое выражение в территориальном конфликте, ведь народ при всём желании не может абстрагироваться от территории, на которой он проживает, так как состоит он из конкретных живых людей. В то же время государство не может абстрагироваться от территории в силу своей сущности. Именно поэтому посягательство на территориальную целостность государства становится явлением, на которое государству исторически свойственно реагировать крайне агрессивно, так как попытка самоопределения ставит под угрозу возможность государства монопольно определять «истинную» картину социальной действительности.

Сецессия есть, таким образом, политически оформленное сомнение в монополии государства и символическое её отрицание. Символическое в том числе и потому, что территория государства в ситуации противостояния остаётся чистой абстракцией для большинства участников конфликта. Очевидно, что житель Северной Ирландии может и не испытывать непосредственного,

территориального контроля со стороны властей Великобритании. В силу одинаковой оторванности отдельно взятого гражданина от институтов власти как в рамках текущей государственности, так и в рамках государственности предполагаемой, сецессия носит именно символический характер. Поэтому и подавление сецессии – это, в свою очередь, попытка символически восстановить распадающийся «метаязык» государства и права, защитив его от вторжения реальной жизни.

Ясно, что на практике сецессия не меняет логики властных отношений и представляет собой лишь смену элит. Однако в то же время ясно и то, что для населения, выступающего за отделение от государства своей бывшей гражданской принадлежности, сецессия означает нечто значительно большее, чем изменение формы и состава государственного аппарата. Сецессия оказывается единственной возможностью (помимо революции) переопределить судьбу политической общности, к которой принадлежит индивид.

В качестве возражения можно было бы указать на возможность переопределения народом своего будущего в порядке, предусмотренном действующим законодательством – в рамках выборов, референдумов и пр. Каждый гражданин в демократическом государстве имеет право голоса, и потому он считается связанным результатами законных процедур. Но, как верно указывает Кристофер Уэллмен, «...проблема этого подхода в том, что политическое голосование в существующих демократиях существенно отличается от (морально допустимых) актов молчаливого согласия в других сферах, так как перед голосующим никогда не ставится самый важный вопрос – будет ли вообще существовать правление как таковое или нет» [9, с. 8]. Таким образом, действительное значение воля отдельного индивида или группы приобретали бы в том случае, если бы у них существовала возможность отказа от «метаязыка», на котором формулируется поставленный перед ними на голосовании вопрос. Как отмечает Альберт Хиршман, «вероятность того, что голос будет действенным механизмом защиты, значительно увеличивается в том случае, если голос подкреплён *угрозой выхода*» [5, с. 82].

Кроме того, специфика ситуации сецессии состоит в том, что принцип правления большинства зачастую как раз и является препятствием к самоопределению – так, если в государстве, куда входит 10 миллионов граждан, 1 миллион граждан желает

Трансформация правовых и политических систем

изменить свою политическую судьбу (например потому, что они составляют религиозную или этническую группу, чьи интересы не представлены в парламенте в силу принципиального конфликта с другими 9 миллионами граждан), то оказывается, что с этим желанием должны согласиться ещё как минимум 4 миллиона человек, не имеющих никакого отношения к историческим, культурным и иным особенностям рассматриваемой группы. Эта же ситуация может быть описана иначе – фактически, речь идёт о союзе, в котором одна из сторон состоит принудительно. В качестве аналогии исследователи приводят брак: «Если сецессию можно сравнить с разводом, то политическую ассоциацию можно сравнить с браком. У меня есть право жениться на избранной мной женщине, которая в свою очередь избрала меня, но не на той, которая меня отвергает» [4, с. 360-361]. Утверждение о наличии моральной обязанности меньшинства продолжать находиться в политических отношениях с большинством против своей воли означает не более чем признание насильственной природы государства.

Маргарет Мур пишет: «Свобода ассоциации включает возможность вступать в союзы с одними свободно соглашающимися на то индивидами, а также выходить из подобных союзов с другими. Если выход из союза является частью принципа свободы ассоциации, то свобода ассоциации не может подразумевать право вступать в союз с лицами против их воли» [8, с. 170]. Если продолжать аналогию с браком, то предположение о необходимости согласия других граждан на сецессию тождественно предположению о необходимости согласия супруга на развод [3, с. 87]. Однако очевидно, что любой союз является добровольным только в том случае, если его существование может быть прекращено по воле любой из входящих в него сторон в одностороннем порядке.

Аналогии с браком уместны потому, что современные демократические государства претендуют на своё возникновение и существование в силу согласия подвластных. Например, преамбула Конституции РФ гласит: «мы... принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» – то есть возникновение государства связывается с согласием всего народа («мы»), а не какой-либо его части. Более того, и после принятия Конституции носителем суверенитета признаётся именно народ (те же самые «мы»), а не какая-то его часть, большинство населения или тем более

государственный аппарат. То есть легитимация государства осуществляется через указание на право народа на самоопределение («исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов»), которое он осуществляет, вступая в добровольную ассоциацию, которой и является государство.

Однако теория общественного договора «ввела в заблуждение в той же мере, в которой что-то прояснила, так как хотя это и правда, что государства *должны* представлять собой взаимно выгодные схемы, которые *выглядят так*, будто они могут быть добровольно принятыми, они тем не менее редко являются взаимно выгодными и добровольно принятыми» [9, с. 154]. То есть хотя мы и можем сослаться на теорию общественного договора для описания возможности существования политических ассоциаций, основанных на нашей согласии, это объяснение не превращает существующие государства в такие добровольные ассоциации. Ибо в той мере, в которой выход из состава государства запрещён, государство не может считаться формой свободного выражения воли индивидов.

Автономность государства, его независимость от общества проявляется в вопросе сецессии с максимальной ясностью. В качестве характерного примера можно привести позицию Российской Федерации. С одной стороны, Российская Федерация включила в состав своей территории Республику Крым, признав легитимность осуществлённой сецессии. В то же самое время статья 280.1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за «публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации». Сецессия, конечно, является действием, направленным на нарушение территориальной целостности. Таким образом, Российская Федерация, признавая право на самоопределение за пределами своей территории, тем не менее устанавливает запрет на инициирование обсуждения возможности подобного самоопределения для граждан самой Российской Федерации.

Невозможным, например, является существование политических партий, отражающих интересы групп, считающих своё право на самоопределение в Российской Федерации ущемлённым, так как их политическая пропаганда попадала бы под действие вышеупомянутой статьи УК РФ. Таким образом, возникает внутренне противоречивая ситуация –

Уголовный Кодекс в указанной части может быть по сути изменён только носителями взглядов, публичное выражение которых запрещено тем же самым Уголовным Кодексом. Здесь мы сталкиваемся с типичным проявлением «метаязыка» права, который не позволяет выйти за пределы критики, допустимой самим этим языком, погружающим наблюдателя в дурную бесконечность тавтологии. Эта логика демократического централизма в итоге приводит к таким ироничным формам представительства, которые в 1923 году в Италии нашли отражение в законе о выборах («закон Ачербо»), в соответствии с которым партия, чьи представители набрали большинство голосов (но не менее 1/4), получала 2/3 депутатских мандатов.

Закономерным является то обстоятельство, что наиболее известный (и в какой-то мере образцовый) случай сепаратизма – объявление независимости североамериканскими колониями в 1776 году – в качестве своей подоплёки имел именно отсутствие представительства населения колоний в британском парламенте. Неудивительно, что противники сепаратизма, роялисты, выдвигали тезис о том, что каждый парламентарий представляет народ в целом, а не только тех, кто его собственно избрал. Здесь в концентрированной форме выражено противостояние «реализма» сепаратистов и «формализма» сторонников территориальной целостности. Реализм сепаратизма состоит в отказе от абстрактных, неverified концепций «общей судьбы», «исторически сложившегося единства», как отвечающих интересам политически и экономически доминирующих групп. «Формализм» сторонников целостности – это мифология внеисторического, неизбежного государства, покушение на монополию которого является отрицанием власти народа даже в том случае, если покушается на эти монополии сам народ. Именно подобного рода риторика позволила экономическим интересам промышленников северных штатов США восторжествовать над идеалами самоопределения южан в 1865 году [1]. И точно та же самая риторика пронизывает современное идеологическое поле, порождаемое национальными государствами.

Подводя итог, следует сделать следующие выводы. Позитивное право в том виде, в котором оно существует в современном обществе, представляет собой не только систему нормативных предписаний, но и своего рода метаязык, определяющий границы возможных суждений как

об этих предписаниях, так и о регулируемых ими отношениях. Сами общественные отношения существуют в политико-правовом дискурсе символически, как образ, который может в значительной степени отличаться от реальных потребностей, интересов и форм взаимодействия индивидов, составляющих это общество. Поскольку государство и право обладают характеристиками территориальности, сепаратизм (как посягательство на монополичный контроль над территорией) представляет угрозу не только и не столько для реальных социально-экономических отношений, складывающихся между гражданами государства (им она как раз может вполне соответствовать), сколько для того образа социальной действительности, который воспроизводится государством на своей территории.

Сепаратизм, осуществляемая против воли соответствующего государства, ставит под сомнение не только его легитимность, но и всю сложившуюся систему международных отношений (как основанную на взаимном признании государствами границ). Рамки международного права, чья действительная юридическая сила в конце концов опирается на аппарат принуждения национальных государств, «представляют собой прекрасные условия для тирании» [6, с. 190]. Признание сепаратизма на международном уровне оказывается допустимым только в той мере, в которой она не представляет угрозу сложившейся логике властных отношений.

Таким образом, сепаратизм в теоретическом смысле является феноменом, обнажающим разрыв, существующий между обществом и государством, и стремящимся этот разрыв ликвидировать посредством восстановления политического характера социума, не связанного существующими нормативными рамками. Следует подчеркнуть, что сепаратизм (как и самоопределение вообще) в этом смысле не следует рассматривать как «право» народа или отдельных лиц. Самоопределение, как неотъемлемая составляющая любого человеческого поведения, *предшествует* любому праву, и поэтому включение этих феноменов в рамки существующего правопорядка (например, в случае Шотландии, получившей право на проведение референдума по вопросу об отделении), может быть расценено как попытка поглощения свободной, инстинктивной жизни народа искусственным метаязыком права.

Библиография:

1. Белькович Р.Ю. Две войны за независимость: Авраам Линкольн и проблема сепарации // Диалог со временем. №49. 2014. С. 218-235.
2. Маркс К. К критике гегелевской философии права / Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М., 2010.
3. Catala A. Remedial Theories of Secession and Territorial Justification // Journal of Social Philosophy. Vol.44. No.1. 2013. Pp. 74-94.
4. Gauthier D. Breaking Up: An Essay on Secession // Canadian Journal of Philosophy. Vol.24. 1994. Pp. 357-372.
5. Hirschman A.O. Exit, Voice, and Loyalty. Cambridge, 1970.
6. Horowitz D.L. Self-Determination: Politics, Philosophy, and Law / National Determination and Secession. Ed. by Margaret Moore. Oxford, 1998. Pp. 181-214.
7. Merry S.E. Legal Pluralism // Law & Society Review. Vol.22. No.5. 1988. Pp. 869-896.
8. Moore M. The Ethics of Nationalism. Oxford, 2001.
9. Wellman C.H. A Theory of Secession. N.Y., 2005.

References (transliterated):

1. Bel'kovich R.Yu. Dve voyny za nezavisimost': Avraam Linkol'n i problema setsessii // Dialog so vremenem. №49. 2014. S. 218-235.
2. Marks K. K kritike gegelevskoi filosofii prava / Marks K. Ekonomicheskoye-filosofskie rukopisi 1844 goda i drugie rannie filosofskie raboty. M., 2010.
3. Catala A. Remedial Theories of Secession and Territorial Justification // Journal of Social Philosophy. Vol.44. No.1. 2013. Pp. 74-94.
4. Gauthier D. Breaking Up: An Essay on Secession // Canadian Journal of Philosophy. Vol.24. 1994. Pp. 357-372.
5. Hirschman A.O. Exit, Voice, and Loyalty. Cambridge, 1970.
6. Horowitz D.L. Self-Determination: Politics, Philosophy, and Law / National Determination and Secession. Ed. by Margaret Moore. Oxford, 1998. Pp. 181-214.
7. Merry S.E. Legal Pluralism // Law & Society Review. Vol.22. No.5. 1988. Pp. 869-896.
8. Moore M. The Ethics of Nationalism. Oxford, 2001.
9. Wellman C.H. A Theory of Secession. N.Y., 2005.